

Тайны царя Салтана

Сказки Пушкина безраздельно отданы детям. Однако написаны для взрослых. Имеют глубокий декабристский, антисамодержавный и автобиографический подтекст.

Поэтесса Анна Ахматова доказала, что «Сказка о золотом петушке» подчеркнута схожа с новеллой Вашингтона Ирвинга. Совсем не случайно в том же, апрельском, номере журнала «Библиотека для чтения» (1835), который открывается сказкой, напечатана восторженная статья об американском писателе-современнике.

Какой же потайной смысл в сходстве «Сказки о золотом петушке» с «Легендой об арабском астрологе», отразившей европейские впечатления Ирвинга? Он путешествовал по Италии, Германии. 1825 год, намекающе звучало в безымянной, переведенной с французского журнальной статье, застал его в Париже. Суть сопоставления — в концовке новеллы.

«Над головой султана, — читаем, — собралась гроза... В самой столице вспыхнул мятеж; дворец окружен вооруженным народом, грозившим лишить жизни султана и его фаворитку-христианку. В груди престарелого монарха вспыхнула, впрочем, искра былой воинственности. Во главе кучки телохранителей он вышел навстречу восставшим, обратил их в бегство и подавил мятеж в самом зародыше». Если присоединить финал новеллы к сказке, не останется сомнений, что царь Дадон — не только Александр I, как предположила Ахматова, но и Николай I. Вашингтон Ирвинг, обладавший выдающимися историческими познаниями, довольно точно проследивает ход восстания декабристов в Петербурге и роль в подавлении восстания новоявленного императора. Новелла проясняла иносказание Пушкина о том, что царь, оставшийся, к сожалению, на троне, обязательно будет низвержен:

С колесницы пал Дадон —
Охнул раз — и умер он...

Имя Дадона навлекает, так сказать, на царя набатный звон: «Дан-дон-дон!», который соберет против него, мечтал Пушкин, народ. С Николаем I у поэта были неизбывные личные счеты. Палач декабристов неотступно преследовал его, издевательски демонстрируя дружелюбие, при этом, имея виды на его жену (спор из-за Шамаханской царицы!), выставив на посмешище, сделав камер-юнкером, не прочь был убить.

Дадон осуществляет, пожалуй, намерение всероссийского императора. Лжет звездочету, под маской которого скрывается Пушкин, и правляется с ним. «Вся столица содрогнулась...» — пророчески сказано в сказке. «Славный царь Дадон», «царство славного Салтана» («Сказка о царе Салтане») ведут к «покойному» монарху в «Медном всаднике», который «со славой правил» в 1824 году, когда произошло сильнейшее наводнение в столице. Рядом с намеренно не названным Александром I в поэме виден, как и в сказке, его преемник. Наводнение перерастает в метафору умиряемого восстания. «Злодей, с свирепой шайкою своей» — Николай I.

Заглавие памфлета «История села Горюхина», который должен был завершиться бунтом, вписано Пушкиным в контурно нарисованного петуха. Последний добавил — эмблема Французской революции. Только народное восстание, революция, видимо, добудет освобождение. Выступление армии против армии на Сенатской площади не привело к цели. Не таков ли смысл

военного столкновения у шатра Шамаханской царицы?

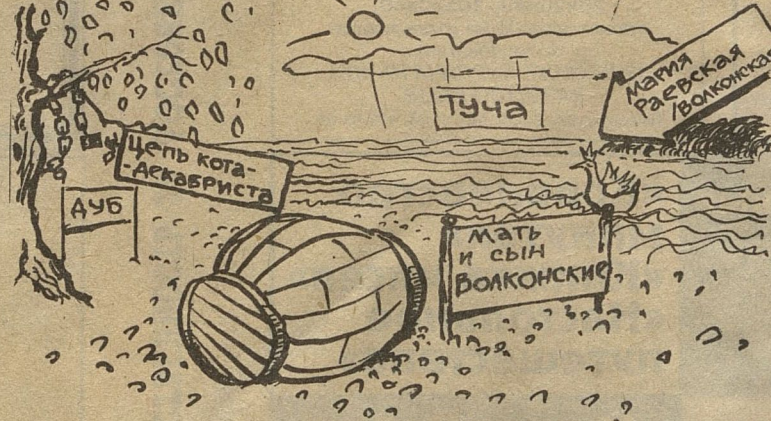
Непосредственными, сказочно заслоненными откликами на восстание декабристов полна «Сказка о царе Салтане». Салтанами, или султанами, именовались турецкие правители. Против одного из них воевал в 1673—1681 годах Петр Петрович Пушкин, прапрадед поэта. Праправнук воевал против «Салтана» — Николая.

Большинство декабристов, при-

торжанам. Волна «на берег вынесла» их.

Так спасся и Пушкин. В декабристском «Арионе» он «на берег выброшен...». Освободиться с каторги стремились декабристы.

Кто же Гвидон? Сказочная поэма «Бова» Радищева, которой открыто следует Пушкин, беря оттуда Гвидона, разъясняет: «правды, истины поборник», «защитник угнетенных...».

говоренных к казни, были «помиллованы» — отправлены на каторгу. «Помилловали» и Гвидона с его матерью — не убили, бросили живыми в море.

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет,
— итог восстания. Две строчки вместили поражение лучших из дворян. Туча — «последняя туча рас-сеянной бури» (подч. мной. — М. И.), поясняет стихотворение «Туча», написанное к десятилетию вооруженного выступления. Узники бочки остались живы. Подобно ка-

А конкретнее? Сам Пушкин, гдавший, где погибнет: «В бою ли, в странствии, в волнах?» (подч. мной. — М. И.), — и выражавший надежду:

Может быть, еще, спасенный,
Снова пристань я найду...
Все же князь Гвидон — больше князь-каторжанин Волконский, давний приятель Пушкина, получивший задание принять поэта в тайное общество.

Неожиданность открывающихся нам иносказаний не должна пугать.

Истина всегда неожиданна. Уж коли мы установили, что Гвидон — Волконский, надо идти дальше.

Кто Лебедь? Мария Раевская (затем Волконская), которую «заколдовали» — «отели удержать от поездки к м... в Сибирь родственники и «злой коршун» — царь, а Гвидон расколдовал. Пушкин знал ее еще с времен южной ссылки. Доказать, что Лебедь — Раевская-Волконская, ничего не стоит. Сам Пушкин признал, что Черкешенка в поэме «Кавказский пленник» — Мария Раевская. Когда она помогает русскому пленнику бежать, во тьме «мелькнуло девы покрывало» — белое, подобно оперению лебедя. В «Сказке о царе Салтане» девушка в облике птицы помогает Гвидону, также выходящему на волю:

Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

Отказываясь жить без любимого и видя, что беглец спасся, Черкешенка бросается в волны. — «И слышен отдаленный стон...». То же в сказке. Коршун не настиг Лебеда, и Гвидон «слышит будто стон...».

В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» царевна — опять-таки названная сестра братьев-богатырей.

Братья, товарищи — называли Пушкин и Кюхельбекер декабристов. Ратники, выходящие в бурю из вод, штурмовали, видимо, не так давно твердою самодержавия. Теперь охраняют чудесный... ов всеобщего благополучия... в том острове богаты» — ...ту, за которую боролись.

Предводитель «морских ля-зей» дядька Черномор — иним-ный тезка (ради маскировки) без-

бразного карлы в поэме «Руслан и Людмила». Последний — от слова «мор», первый — от «Черного моря». В сказке Черномор — полковник Пестель, вдохновлявший мятежных воинов на берегах Черного моря. «Лишь море Черное шумит», — многозначительный штрих в «Евгении Онегине». В «Арионе» Пестель — «кормчий умный», руководитель пловцов-декабристов.

В «Сказке о царе Салтане» насыщены политическими реалиями. Против ослепой мстительности, преследований после восстания направлена «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». У царевны — судьба Гвидона. Его бросили в море, ее — на растерзание лесным зверям. И вот она, также спасающаяся, но отравленная и усыпленная, в «глубокой норе» горы среди пустыни.

В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Метафора каторги! Декабрист В. Ф. Раевский назвал себя «железца могилы». Он был «как в гробе». Другие чувствовали себя не лучше.

Цепи, нора в горе, мрак разительно напоминают «оковы тяжкие», «каторжные норы», «мрачное подземелье» из послания «В Сибирь». Погруженная в непробудный сон царевна подобна отринутым от жизни, загнанным в рудники каторжанам.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы...
— ободрял Пушкин.

«Любовь и дружество» дошли к царевне. Разбит гроб. Упали цепи. Королевич вынес девушку «на свет из тьмы». То же в послании декабристам:

Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа...

М. ИСКРИН.

Рис. Андрея МИРЗОЯНА.